

Цуй Мин-дэ остановилась, обернулась и, взглянув на собеседницу, заметила, что та одета в жакет и юбку с короткими рукавами, что сильно отличалось от её обычного костюма ху, и слегка усмехнулась: «Наш ничтожный род в «Списке знатных семей» занимает лишь третью ступень, не смеем называться знатным. В нашем убогом доме слуги нерадивы, и даже когда почётные гости прибывают издалека, не удосуживаются доложить. Приношу глубочайшие извинения. Род Дугу — известная фамилия Гуаньлуна, в «Списке» почётно занимает вторую ступень, вот истинный образец знатности, пример для подражания. Не знаю, какое наставление привело вас в наши скромные врата?»

Слова её были колкими, но выражение лица и тон оставались неторопливыми и спокойными. Дугу Шао ответила: «Их винить не в чём. Я представилась запиской от Ланьшэн, они решили, что я ваша товарка по дворцу, вот и не стали беспокоить. Не стану говорить с вами пустое — ваша матушка вовсе не больна, так зачем же вы, ни с того ни с сего, объявили, что она приболела, и даже поспешили вызвать вас из дворца?»

Цуй Мин-дэ холодно ответила: «Если старший родственник не домогает, детям подобает почтительно ухаживать за ним, это их долг. К чему делить болезни на большие и малые? Если последовать такой логике, то когда ваш почтенный родитель занедужит, Шилюнян, вам, выходит, придётся сначала дождаться диагноза лекаря, разделить болезнь на «верхнюю», «среднюю» и «нижнюю» степени, а уж затем, в зависимости от тяжести, решать, стоит ли ухаживать?»

Дугу Шао рассмеялась: «Ох уж эта твоя острая речь, мне с тобой не тягаться. Давай не станем друг друга дурачить этими словами для посторонних. Я пришла к тебе неспроста. Ты скажешь мне, почему покинула дворец, а я сообщу тебе одну новость. Идёт?»

Цуй Мин-дэ огляделась. Девочка уже унесла цитру, в саду остались только они вдвоем. Сад был просторным, кусты росли редко, спрятаться было негде. Тогда она взглянула на Дугу Шао и равнодушно проговорила: «Сначала говори свою новость».

Дугу Шао улыбнулась: «Не пойдёт. Сначала ты — мне».

Цуй Мин-дэ фыркнула и зашагала прочь. Дугу Шао не стала её останавливать, сама наклонилась, сорвала пион и, вертя его в пальцах, с лёгким вздохом, похожим на сожаление, произнесла: «Уже в середине второго месяца такая жара. В этом году засуха непременно будет сильнее, чем в прошлые годы».

Цуй Мин-дэ остановилась, стоя к ней спиной. Спустя долгое время она проговорила: «Великая принцесса Яньань часто является во дворец с детьми и беседует с Шэнжэнем и Наследным принцем, и беседы эти весьма оживлённые».

Дугу Шао слегка прищурилась, сделала шаг вперёд и спросила: «Если не ошибаюсь, у Великой принцессы Яньань лишь одна дочь, ровесница Князя Цзи?»

Цуй Мин-дэ слегка кивнула и снова посмотрела на Дугу Шао.

Дугу Шао улыбнулась: «Из семи первых советников в Лоян сопровождают двоих всего трое: герцог Сюй, герцог Фан и герцог Вэй. Герцог Сюй тяжело болен, лекарства не помогают, и его место скоро освободится».

Цуй Мин-дэ нахмурила брови: «Если стихийные бедствия в этом году окажутся серьёзнее обычного, возможно, освободится ещё одно».

Дугу Шао рассмеялась: «Четверо, оставшиеся в столице, — все столпы государства, приближённые императора. К тому же они остаются в столице с прошлого года, так что даже если случится бедствие, едва ли ответственность падёт на них».

Цуй Мин-дэ пристально посмотрела на неё и спокойно сказала: «Не может быть герцога Фана».

Дугу Шао тоже устремила на неё взгляд: «Герцог Вэй по натуре честен и прям, во всём следует конфуцианским ритуалам. Год назад переднего дня, когда Шэнжэнь пожелал, чтобы Наследный принц и Князь Цзи возглавили две команды и устроили для чиновников состязание по перетягиванию каната, герцог Вэй заявил, что нельзя ставить государя и подданных на одну доску, равно как и устраивать состязательные игры между юными братьями. Шэнжэнь похвалил его, пожаловал триста отрезков шёлка, и дело было оставлено. Его дочь происходит из знатного рода, связана родством с императорской семьёй, обладает безупречными манерами, с юности известна талантами — среди сверстниц ей мало равных».

Цуй Мин-дэ опустила глаза: «А вы приходите из клана Цуй, славитесь широтой познаний и изящным вкусом. Если бы Князя Цзи женили на вас, то ни Шэнжэнь, ни Великая принцесса Яньань не смогли бы возразить. Самое замечательное, что ваша старшая сестра некогда отказала Наследному принцу...»

Цуй Мин-дэ сказала: «Мне нужно отправляться к матушке, готовить отвар. Прошу извинить».

Дугу Шао приподняла бровь: «Вот почему ты придумала такой невезучий предлог — оказывается, она и вправду заболела. Какие симптомы? Моя семья в здешних краях имеет связи, местных знаменитых лекарей можем пригласить любого. Если нужна помощь, только скажи».

Цуй Мин-дэ ответила: «Благодарю за заботу. Болезнь несерьёзная, не стоит беспокоить вас. В доме неудобно, не смею задерживать». С этими словами она повернулась и быстрыми шагами направилась прочь. Пройдя несколько шагов, она услышала, как Дугу Шао окликнула: «Цуй Вторая». Она слегка замедлила шаг, но услышала лишь её громкий смех: «Всё же, когда ты играешь на цитре — это куда приятнее!»

Цуй Мин-дэ не удостоила её ответом и зашагала ещё быстрее.

Я приняла решение: рассказать матушке о том, как Ли Шэн вывез меня из дворца. На этой стадии матушка и Ли Шэн уже стали непримиримыми врагами.

Этой ситуации, возможно, не ведаёт отец, не ведаёт Ли Шэн, не ведаёт Вэй Хуань, да, пожалуй, и сама матушка не ведаёт — вот, наверное, единственная польза от моего происхождения. Хотя деталей этой истории я не знаю, общий ход событий помню, и, исходя из него, могу понять многое, что другим неизвестно. Все прочие, возможно, смутно ощущают противоречия между ними, но никак не ожидают, что дело зашло уже так далеко.

И ради государства, и ради себя лично я надеялась на победу матушки. Для государства: Ли Шэн, хоть и достойный наследник, — всё же лишь правитель, способный сохранить наследие, а матушка — императрица, сияющая в веках. Первый, конечно, неплох, но лишь правитель, равного которому не было за тысячу лет, даёт надежду на расцвет страны. Для себя: отношение Ли Шэна к династическим бракам меня глубоко уязвило. Если сейчас, ради прекращения войны, он готов отправить меня замуж, то что будет в будущем? Если с моим будущим мужем что-то случится или если снова понадобится использовать моё имя принцессы, как он тогда со мной поступит? У меня нет никакой уверенности, поэтому, как бы эгоистично это ни было, я твёрдо решила позаботиться о себе первой. Вэй Хуань была права: я могла

размышлять о тех беженцах лишь потому, что это меня не касалось. Когда же дело коснулось меня лично, в выборе между другими и собой я в конце концов выбрала себя.

Мне было стыдно за себя, но я всё же отправилась в Чертог Чжэньгуань. Ожидая вызова, я на мгновение заколебалась, но отступить было уже поздно. Матушка велела мне пройти прямо во внутренние покои. На ней была лёгкая весенняя накидка, ворот распахнут до половины, и она выводила кистью копию каллиграфического свитка. Ваньэр и Туаньэр стояли по левую и правую руку от неё. Туаньэр держала полотенце и прочие принадлежности, Ваньэр же ничего не держала. Обе внимательно смотрели на матушкину каллиграфию, и на их лицах читалось лёгкое восхищение. Когда я вошла, они вовремя обернулись и поклонились. Туаньэр улыбнулась: «Принцесса, вы пришли как нельзя кстати. Взгляните, как пишет госпожа. Я лишь чувствую, что это прекрасно, но не могу выразить, в чём именно. Вы же учились у наставников и наверняка можете объяснить».

Слова Туаньэр были красивы, одним махом воздав хвалу и мне, и матушке, но она забыла, что я всегда была ленива. Хоть с детства и обучалась у дворцовых наставников и секретарей кайшу, чжуаньшу и «летающему белому», к нынешнему дню лишь кайшу ещё кое-как смотрелся, а о чжуаньшу или «летающем белом» и думать нечего. Матушка же сегодня как раз копировала чжуаньшу — я даже прочитать не могла, не то что оценить. Матушка тоже отлично это знала, поэтому, закончив иероглиф, подняла на меня взгляд и улыбнулась. Обычно я бы ей подмигнула или подшутила над Туаньэр, но сегодня, будучи беспокойна на сердце, лишь сложила руки в приветствии и сказала: «Дочь невежественна, не знаю, какой свиток вы копируете, матушка».

Матушка слегка приподняла внешний уголок глаза, бросила на меня взгляд, положила кисть и бесстрастно проговорила: «Уберите».

Туаньэр и Ваньэр тут же бросились убирать свиток. Туаньэр успела первой, Ваньэр же, взглянув на неё, сказала: «Сестра Вэй, поосторожнее, чернила ещё не просохли, как бы не смазать».

Туаньэр улыбнулась: «Благодарю за напоминание, цайжэнь Шангуань». Осторожно приподняла свиток и почтительно удалилась. Ваньэр же прибрала кисти и прочие принадлежности, поклонилась матушке и вышла из чертога.

<http://bllate.org/book/16278/1466348>